

Андрей ЧУКУРОВ

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ
«НОВОЙ ЭТИКИ» (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)**

**The transformation of spiritual culture in the context of the formation of
the "New Ethics": A problem statement**

Abstract

The paper is devoted to the analysis of the spiritual values that are being formed today and the reasons for the actualization of the New Ethics. Catastrophic dynamism leads to the elimination of the stable social groups as well as to the maximum diffuseness of personal boundaries. At the same time, the transformation of communication systems brings an extremely vulnerable virtual body to the forefront of cultural life. The new communication systems, social atomization, the lack of understandable guidelines in the process of socialization, and self-identification all turn the "border" into a basic concept for the New Ethics. However, the design of boundaries and self-defense mechanisms does not always lead to the expected positive results. The conclusion is that an initially inadequate assessment of the aggressiveness of the environment forces a person to build the most aggressive defense mechanisms: humans themselves are transformed into a source of toxicity, which in turn makes the environment even more toxic than it was originally.

Keywords: *New Ethics, self-defense, identity, border, communication*

В рамках новой эпохи, наступившей после смерти постмодерна, – а мы можем ее на сегодняшний день называть как «трансмодерн», так и «метамодерн», что будет определяться исследовательской оптикой и предметом анализа, – стремительно формируется специфическая духовная аксиосфера. Данный процесс обусловлен перестройкой всей социокультурной системы: в информационном обществе появление виртуального тела и способов его взаимодействия с миром трансформировало всю коммуникативную этику, сделав человека более уязвимым.

Можно констатировать, что личность не успевает подбирать адекватный ответ на поступающие вызовы и находится в ситуации перманентной пересборки идентичности, воспринимаемой как проект, позволяющий выработать более успешную смысложизненную стратегию. В результате такая катастрофичная динамичность приводит к ликвидации стабильных социальных страт и к максимальной диффузности границ. Сама система культуры эпохи глобализации заинтересована в ослаблении всех возможных личных и корпоративных связей, в переходе на «мягкие» формы социальной кооперации. Мы получаем огромные массы людей с неструктурированным социальным статусом и положением, перманентно находящихся на «границе миров». Возможно, мы вправе говорить о самой границе, как способе и образе жизни.

Иными словами, на наших глазах рождается новый культурный феномен – «культура границы», а современное нам общество – это общество, обреченное жить на этой границе со всеми вытекающими из приграничного статуса последствиями: тревогой, неуверенностью в завтрашнем дне и невозможностью пустить корни. Представляется, что это одна из причин актуализации как общественного, так и академического «дискурса границ».

В XXI веке принципиально меняется механизм самоидентификации: поскольку он более не происходит автоматически, человек нередко оказывается не в состоянии (или не испытывает желания) принимать ценности некоей социальной (этнической, профессиональной и пр.) группы, к которой принадлежит по факту рождения или полученного образования. Осознавая собственное несовершенство и сознательно отказываясь от главенствующего положения в Природе, что определяется тотальным дискурсом постгуманизма, человек стремится вырваться за границы данного, и на этом пути действительно стать Творцом, только Творцом самого себя и своего собственного мира среди множества чужих миров. Интересно то, что сам это процесс «творения себя», а значит и процесс самоидентификации, носит перманентный характер в силу того, что каждая последующая технология (открытия в медицине, биологии, геномной инженерии и пр.) будут сообщать человеку ощущение собственной неполноценности. Одновременно произошла трансформация биполярных гетеронормативных отношений, когда ранее существовавшая система с жестко расписанными социальными и гендерными ролями перестала работать и исчезли требования по соответствию неким социальным нормам, что в свою очередь предоставило человеку еще больше свобод и возможностей по самореализации при полном отсутствии очевидных ориентиров.

Все вышеозначенные процессы крайне обострили проблему «пограничной линии» и вывели «дискурс о границах» на авансцену не только научной, но и в целом всей социокультурной жизни: исчезновение общепризнанных норм и стандартов превратило самого человека в автора индивидуального «ценностно-этического кодекса». Примечательно, что норвежский антрополог Йорун Солхейм обращает внимание на следующий факт: «Я убеждена, что наши новые и быстро распространяющиеся «культурные болезни», такие как анорексия, булимия, фибромиалгия и другие трудно определяемые страдания, в первую очередь надо рассматривать как симптом усугубляющейся проблемы «пограничной линии». Эта проблема связана с сохранением границ тела и, не в последнюю очередь, с недостатком целостности, неприкосновенности женского тела» [СКЭРДЕРУД 2003: 26]. Разумеется, как следствие формируются и жесткие требования по защите этой «индивидуальной аксиосферы».

«Новая этика» и проблема коммуникации

Сегодня каждый, кто владеет компьютером и подключен ко Всемирной Паутине, рано или поздно сталкивается с формированием своего виртуального тела. Просто создавая аккаунт в социальных сетях, мы подбираем аватар, подписываемся на те или иные паблики и т.д., что все вместе и означает создание

нового себя, подчас не имеющего никакого отношения к себе реальному, т.е. к нашему физическому или социальному телу. И если мы в той или иной степени контролируем свое физическое и социальное тело – т.е. отправляем все физиологические нужды, одеваемся, создаем определенный имидж, занимаемся спортом и т.д. – то виртуальное тело существует многие часы вовсе без нас «физических». Виртуальное тело, один раз созданное и далее существующее без нашего прямого участия, оказывается наиболее уязвимо, и может стать предметом насмешек, нападок, буллинга в Сети. Мы видим, что самые яростные битвы сегодняшнего дня разворачиваются именно на страницах социальных сетей, ибо иллюзия анонимности снимает многие моральные и этические ограничения. Актуализация данной проблематики подтверждается и художественной культурой. Даже минимальный список фильмов за последние годы, где так или иначе раскрывается тема травли и шантажа в социальных сетях, косвенно подтверждает это:

- Убрать из друзей (2015)
- Открытые окна (2014)
- Не оставляющий следа (2008)
- Нация убийц (2018)
- Нерв (2016)
- Смерть в сети (2013)
- Зал самоубийц (2011)
- Связи нет (2012)
- Кибер-террор (2015)
- ЗОЖ (2020)

Переформатирование всей системы коммуникации подводит нас к пониманию природы и причин формирования того, что именуется «Новой этикой», отразившей все страхи эпохи постгуманизма и полностью трансформировавшей межличностные отношения. На сегодняшний день еще нет ни единой концепции, ни методологического базиса, ни философского обоснования, ни, даже, некоего общепризнанного понимания данного этического явления. Есть некий набор тезисов, вместе и составляющих «Новую этику». Этот набор включает такие концепты, как вариативность; персонализацию и субъективацию правоотношений, когда «я» оказывается главным источником права; исключение неприятного/дискомфортного; жесткое требование соблюдения персональных границ; отказ от насилия и борьбу с любыми формами «абьюза».

Новая этика – это реакция на прошлое, на пережитую боль эпохи модернизма и, одновременно, формирование нормативной системы цифровой эпохи. В эпоху модернизма мир чувств, переживаний, «обид» был скрыт от глаз окружающих. Более того, вспомним, что публичная демонстрация чувств не только для мужчин, но и для женщин в европейской культуре табуировалась, считалась дурным тоном. Владеть собой – вот основное требование, которому должны были подчиняться абсолютно все. XXI столетие убирает эти ограничения,

наоборот подчеркивая важность демонстрации чувств, а пренебрежение чувствами другого объявляется абюзом и токсичностью. И это дополнительная причина, почему одной из центральных проблем современной культуры становится проблема границ: в силу отсутствия ясных ориентиров самоидентификации, межличностные границы стали во многом диффузны. Диффузность усиливается спецификой информационного общества, что мы видим, в частности, на примере социальных сетей: понимание того, что есть пост на своей странице – личное или публичное – весьма размыто.

Отсюда и трансформация лингвистического поля, ведь то, что не вербализовалось ранее, сегодня требует названий. Язык чувств нуждается в своей терминологии, отсюда не только появление привычного всем «харрасмента», но и «газлайтинга» (психологическое насилие, в ходе которого жертве внушаются мысли о собственном неадекватном восприятии реальности), и «виктимблейдинга» (перекладывание вины на жертву насилия), и куда более привычного для слуха «обесценивания». Новая этика является продуктом трансформации коммуникативных практик: множатся способы коммуникации, а значит расширяются и возможности обидеть окружающих. Речь не идет о появлении новых феноменов – объективация чувств вербализирует то, что в предыдущие эпохи попросту не имело названий.

Однако, не лишним будет вспомнить, что история Новой этики началась не в XXI столетии, а насчитывает более семидесяти лет. Еще в 1949 году Эрих Нойманн издает книгу «Глубинная психология и новая этика» [НОЙМАНН 2008], в которой развивает мысль об «устаревании» этической системы, основанной на концепте коллективной морали и дуализме, т.е. борьбе добра и зла. Э. Нойманн писал об этических проблемах, очевидно не укладывающихся в прокрустово ложе существовавшей системы. В монографии мы едва ли найдем те проблемы, которые сегодня обсуждаются в дискурсе Новой этики, хотя именно Э. Нойманн вводит данное понятие в оборот. Фактически он писал о «примирении со своей темной стороной»: человек должен осознать то зло, что есть в нем самом и принять его, а не искать зло во вне, способствуя росту конфронтации и разделению на своих и чужих. Катастрофы первой половины XX века обусловлены, по мнению автора, как раз именно этой проекцией зла на другого.

Будучи продолжателем традиции школы Юнга, он много внимания уделил роли бессознательного, которое, по сути, и «хранит» темную сторону личности. Именно бессознательное определяет творческое начало, формирует взгляды и модель поведения. С этим бессознательным человек и должен вступить «в союз». Смысл рассуждений Э. Нойманна сводится к тому, что старая этическая система требовала вытеснить и подавить темное и бессознательное, прибегая подчас к суровым методам аскезы. Иными словами, старая этическая система базировалась на подавлении (сознательный процесс) и вытеснении (бессознательный процесс). Все это приводило к страданиям личности, даже к ее разрушению, но глобальные проблемы при этом никак не решало.

Новая этика, по мысли ее создателя, строится на принятии себя и своей «темной стороны». Только через постижение себя личность выходит на более высокий

уровень осознанности. Одновременно этот процесс налагает на человека колоссальную ответственность. Примечательно, что ответственности в книге уделено едва ли не центральное место. И не менее примечательно, что именно этот аспект уходит на второй план в современной интерпретации Новой этики.

Объективация чувств и новый антропоцентризм

Несомненным достижением сегодняшнего дня становится максимальная инклюзивность общества, что мы видим на примере активизации и выхода на авансцену культурной жизни множества самых разнообразных миноритарных культур. Во многом это как раз заслуга новых этических принципов, предоставляющих право голоса тем, кто был его лишен. На раннем этапе это может казаться опасным и пугающим, но в перспективе подобное общество потенциально способно исключить гегемонию какой-либо группы, обеспечивая полноценную демократию.

Мы вынуждены констатировать и негативную сторону всех этих процессов, и прежде всего, некоторых современных особенностей интерпретации Новой этики. В частности, этический дискурс подчас полностью сводится к феномену «объективации чувств», когда чувства («оскорблённые», «задетые») оказываются определяющими в том числе даже в юридической практике. Парадоксальным образом, «объективированные чувства» сами формируют токсичную среду. Трансформировался весь процесс адаптации к среде обитания: от стремления приспособиться, человек переходит к формированию механизмов самозащиты и, конкретно, защиты от нежелательной, как ему кажется, коммуникации.

Современная культура сформировала новый принцип антропоцентризма. Если антропоцентризм в самом общем виде в эпоху Возрождения ставил человека в центр мироздания и устами Джованни Пико делла Мирандола говорил в знаменитой «Речи о достоинстве человека: «Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие божественные. О, высшая щедрость Бога-отца! О высшее и восхитительное счастье человека, которому дано владеть тем, чем пожелает, и быть тем, чем хочет!» [МИРАНДОЛА 1962], т.е. ему подвластно все и он может владеть, чем пожелает, то антропоцентризм XXI века помещает всю Вселенную в самого человека, подчиняя ее его внутреннему миру. Он больше не ищет причин собственных неудач в себе, не пытается исправить себя – он стремится изменить среду обитания, указывая на свои «оскорблённые чувства», выискивая проблему вовне и устраняя источник раздражения, подчас даже физически. Очевидно, что данный подход не имеет никакого отношения к тому, что писал Эрх Нойманн, как раз возлагавший максимум ответственности на самого индивида.

Новая этика порождает «культуру обиды», где источником зла оказывается феномен токсичности, а чувства обретают физическое выражение и превращаются в главный предмет как защиты, так и манипуляций. И Россия в этом отношении никогда не отставала от всего «цивилизованного мира», а во многом даже оказывалась впереди: идея включения концепта «оскорбление чувств» в культурное пространство и правоприменительную практику принадлежит

нам – именно в России прошли первые громкие процессы по делам об оскорблении чувств (речь шла о чувствах верующих, что в данном случае не имеет принципиального значения) еще на заре этого века. Именно в России родилась странная грамматическая формула, которая употребляется сегодня более чем активно: «проверить на предмет оскорбления чувств верующих», что идеально укладывается в процесс трансформации лингвистического поля. Это та же обида на нечто, что не имеет очевидного определения, а сам подобного рода дискурс носит предельно субъективный характер.

В результате мы попадаем в замкнутый круг, когда изначально неадекватная оценка агрессивности среды заставляет человека выстраивать максимально же агрессивные механизмы защиты, превращая самого себя в источник токсичности, что в свою очередь делает среду еще более токсичной, чем она была изначально. Это не просто выстраивание границ, когда вы определяете сферу допустимого и стремитесь не потерять себя в информационном потоке, что является важной частью самоидентификации. Создаваемые сегодня в силу нежелания мириться с дискомфортом механизмы самозащиты демонстрируют свою способность даже на юридическом уровне трансформировать среду обитания, делая ее еще менее пригодной для жизни и разрушая автора этих механизмов.

Заключение

Сегодня назрела необходимость нового прочтения Эриха Нойманна с целью выделения и акцентирования главного концепта его труда – концепта личной ответственности. Вне всякого сомнения, современный мир в силу трансформации системы коммуникации и нарастания значимости виртуального тела нуждается в пересмотре старой этической системы. Данный процесс неизбежно приведет к глубоким и необратимым изменениям правоприменительной практики, системы межличностной коммуникации и, даже, лингвистической системы. При этом личность, находясь в ситуации перманентной переборки идентичности, в процессе создания механизмов самозащиты и подбора адекватных ответов на вызовы окружающей среды, должна постоянно апеллировать к личной ответственности, полностью отдавая себе отчет в том, что может стать источником токсичности для окружающих. Поскольку дальнейшее внедрение принципов Новой этики представляется неизбежным, основная задача, которая сегодня стоит перед каждым отдельным индивидом, это направление этого процесса в общественно приемлемое русло.

Библиография

- МИРАНДОЛА, ДЖ.П.ДЕЛЛА [MIRANDOLA G.P.DELLA] 1962: Речь о достоинстве человека // пер. Брагиной Л. История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли в 5-и тт. [Speech about the dignity of man // trans. Bragina L. History of aesthetics. Monuments of world aesthetic thought in 5 vols. Vol. 1. from. 506–514], Т.1. с. 506–514. // http://psylib.org.ua/books/_pikodel.htm [дата обращения: 10.08.2015].
- НОЙМАНН, Э [NOJMANN, È.] 2008: Глубинная психология и новая этика. Санкт-Петербург: Азбука-классика [Depth Psychology and New Ethics, St. Petersburg: Azbuka-Klassika].
- СКЭРДЕРУД, Ф [SKÈRDERUD, F.] 2003: Беспокойство. Путешествие в себя. Самара: Издательский Дом «Бахрах-М» [Anxiety. Journey into yourself, Samara: Publishing House "Bahrah-M"].

Андрей ЧУКУРОВ
Российский Государственный Педагогический
университет им. А.И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия
achukurov@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-6158-5151

